

Н. Никольскій.

Споръ исторической критики съ астрономіей.

По поводу книги Морозова

„Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“.

- 1) Въ чемъ предметъ спора.
- 2) Что говорить объ Апокалипсисѣ историческая критика.
- 3) Что говорить объ Апокалипсисѣ Морозовъ.
- 4) Заключение.

МОСКВА. — 1908.

Типо-литографія **Русскаго Товарищества** печатнаго и издательскаго дѣла.

Чистые пруды, Мыльниковъ пер. с. д. Телефоны: 18.35 и 53.95

I. Въ чемъ предметъ спора?

Весною настоящаго года вышла книга Н. А. Морозова „Откровение въ грозѣ и бурѣ“, въ которой авторъ дѣлаетъ попытку опредѣлить время происхожденія новозавѣтнаго Апокалипсиса Іоанна путемъ астрономическихъ вычисленій. Безъ преувеличенія можно сказать, что большинство нашей публики, мало знакомой съ критической разработкой историко-литературныхъ вопросовъ, касающихся запретной до сего времени области ветхаго и новаго завѣта, приняло книгу Морозова, какъ тоже своего рода откровеніе. Рѣдко заглядывающій въ библію, въ особенности во вторую половину новозавѣтнаго канона, нашъ средняго типа интеллигентъ при бѣгломъ знакомствѣ съ Апок. дѣйствительно можетъ счесть эту книгу за произведеніе сумасшедшаго, какимъ считалъ ее раньше и Морозовъ; а для полубразованныхъ или совсѣмъ необразованныхъ людей представляется, вѣроятно, и до сихъ поръ такъ, что сокровенный смыслъ этой книги открыть только легендарнымъ святымъ людямъ, въ родѣ гоголевскаго схимника. При такомъ положеніи дѣла, книга Морозова, проливающая, какъ будто, яркій свѣтъ на таинственное произведеніе, и написанная при этомъ не въ формѣ тяжеловѣснаго изслѣдованія, но общедоступнымъ легкимъ языкомъ, привлекла всеобщее вниманіе. Страшные образы Апок. объяснились очень легко: одни изъ нихъ — созвѣздія и планеты, другіе — облака и явленія грозы съ ливнемъ. А такъ какъ Апок. есть книга, написанная въ результатѣ астрономическаго и темпестологическаго наблюденій, то опредѣлить время ея происхожденія нѣтъ ничего легче при современныхъ успѣхахъ астрономіи. Получается точная дата, 30 сентября 395 г., легко отыскивается и авторъ, біографія котораго не только будто бы не противорѣчитъ Апок., но даже безъ него непоятна. Вопросъ конченъ, тема исчерпана. Астрономія замѣнила историческую критику и дала самые точные результаты.

Однако, когда появилась книга Морозова, она возбудила сначала очень мало вниманія въ кругахъ специалистовъ. Пишущій эти строки долженъ признаться, что когда онъ весною прочиталъ впервые газетное объявленіе

о книгѣ Морозова, въ которомъ было упомянуто имя Златоуста, онъ остался въ полной увѣренности, что дѣло идетъ о чемъ угодно, только не о новозавѣтномъ Апок. Точно такъ же, насколько мнѣ извѣстно, специальная нѣмецкая пресса до сихъ поръ не отозвалась на книгу Морозова. Дѣло объясняется просто: и для меня, еще со студенческихъ лѣтъ занимающагося вопросами библейской критики, и для нѣмецкихъ специалистовъ и нѣмецкой публики вопросъ объ Апок. есть вопросъ ясный. И я былъ чрезвычайно удивленъ, когда узналъ, что дѣло идетъ о новозавѣтномъ Апок. Когда я ознакомился съ книгой Морозова то увидалъ, что откровеніе Морозова ниспровергаетъ все то, что до сихъ поръ было сдѣлано исторической критикой для объясненія Откровенія Іоанна. Надо зачеркнуть и сжечь всю громадную литературу, написанную объ Апок. трудолюбивыми и остроумными библейскими критиками; надо сжечь всю патристическую литературу, переполненную спорами объ Апок. и цитатами изъ него; надо, наконецъ, поставить крестъ надъ всей античной литературой, потому что вѣдь не только патристическая литература отдѣлена отъ насъ „завѣсой среднихъ вѣковъ“, но та же завѣса отдѣляетъ насъ и отъ подлиннаго Гомера, Софокла, Аристотеля, Фукидида, Ливія, Цезаря et caetera et caetera... Побѣдитель не знаетъ пощады и объявляетъ безапелляціонно: послѣ того, какъ я доказалъ, все остальное надо считать или ошибкой или поддѣлкой.

Когда я ознакомился близко съ книгой Морозова, я увидалъ, что Морозовъ, повидимому, считалъ своихъ предшественниковъ по изслѣдованію Апок. настолько нестоящими вниманія, что не считалъ нужнымъ сообщить читателю, какъ стоитъ вопросъ объ Апок. въ библейской наукѣ, какія мнѣнія существуютъ объ его авторѣ, времени происхожденія, какъ толкуются странные образы Апок. Съ точки зрѣнія Морозова, всѣ „послѣдующіе“ (послѣ среднихъ вѣковъ) изслѣдователи были сбиты съ толку византійскими теологами, приписавшими Апок. „сосѣдмъ другому лицу“, т.-е. ап. Іоанну (стр. 164, второго изданія; всѣ цитаты будутъ по этому изданію). Морозовъ не сталъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ мнѣній и взглядовъ; онъ считаетъ, что Апок. до сихъ поръ такъ же загадоченъ, какъ и во время своего появленія, и что по общему признанію, книга, вѣроятно, написана сумасшедшимъ человѣкомъ, можетъ быть ап. Іоанномъ, жившимъ въ I вѣкѣ. Морозовъ прямо предлагаетъ читателю свое толкованіе и опредѣленіе, какъ единое и истинное, не давая возможности разобраться поглубже въ вопросѣ и даже, пожалуй, оставляя читателя въ томъ заблужденіи, что до появленія въ свѣтъ „Откровенія

въ грозѣ и бурѣ“, весь міръ ломалъ надъ Апок. голову и ничего не могъ придумать.

Въ научномъ изслѣдованіи поспугать такъ не принято. Когда выставляется новая гипотеза, отрицающая всѣ старыя, предварительно должно быть доказано, что эти старыя гипотезы не выдерживаютъ критики. Самоочевидныя положенія—это только геометрическія и логическія аксіомы; но вопросъ объ Апок. не принадлежитъ къ ихъ числу, а наоборотъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе трудныхъ научныхъ проблемъ. И теперь, высказавъ свою гипотезу, не опровергнувши прежнихъ, Морозовъ ставитъ историческую критику въ положеніе противника, который, не получивъ даже вызова на бой, уже объявленъ всему свѣту побѣжденнымъ. Представители исторической критики имѣли бы, поэтому, полное право замолчать книгу Морозова, какъ онъ замолчалъ ихъ работу, предоставивъ дѣло времени, которое все тайное дѣлаетъ явнымъ. Но если такъ могутъ сдѣлать представители нѣмецкой науки, знающіе, что нѣмецкая публика ознакомлена въ общемъ съ критикой ветхаго и новаго завета, то этого не могутъ сдѣлать представители исторической критики въ Россіи, гдѣ библейская критика до 1905 г. была запретнымъ плодомъ и доступна лишь немногимъ. Выступая въ настоящей брошюрѣ съ критической оцѣнкой „Откровенія“ Морозова, я, поэтому, руководжусь не столько своимъ положеніемъ, какъ лица, болѣе или менѣе знакомаго съ библейской критикой, но, главнымъ образомъ, интересами нашей читающей публики. И на послѣдующихъ страницахъ я изложу, во-первыхъ, то, что долженъ былъ бы сдѣлать, но не сдѣлалъ Морозовъ: положеніе вопроса объ Апок. въ исторической критикѣ; во-вторыхъ, не входя въ сравненіе результатовъ изслѣдованія Морозова и изслѣдованія исторической критики, я попробую оцѣнить по существу методъ изслѣдованія Морозова и цѣнность полученныхъ имъ результатовъ съ методологической точки зрѣнія; кстати здѣсь же будутъ указаны тѣ вольныя или невольныя ошибки, которыя были сдѣланы Морозовымъ въ нейтральной лингвистической области. Передъ читателемъ станутъ двѣ спорящія стороны; въ заключеніе обнаружится, правъ ли былъ Морозовъ, не сдѣлавъ предварительнаго критическаго разбора изслѣдованій его предшественниковъ, и выиграла ли отъ этого его книга.

II. Что говоритъ объ Апокалипсисѣ историческая критика?

Прежде всего, для исторической критики возникаетъ вопросъ о времени происхожденія того или другого изслѣдуемаго его произведешя. Иногда этотъ вопросъ разрѣшается просто, когда есть *безспорныя* указанія въ самой книгѣ на ея автора и время ея происхожденія. Но по отношенію къ произведеніямъ древней и средневѣковой литературы весьма рѣдко попадаются такіе счастливые случаи, когда критика избавляется достовѣрнымъ и безспорнымъ свидѣтельствомъ отъ хлопотливыхъ изысканій. Произведенія новозавѣтной (и ветхозавѣтной) литературы не принадлежатъ къ числу указанныхъ счастливыхъ исключеній. Кромѣ восьми посланій апостола Павла, всѣ прочія произведенія новаго завѣта написаны неизвѣстными лицами и въ разные сроки, опредѣлить которые стоитъ большаго труда.

Изъ Апок. мы узнаемъ только, что авторъ его, или его части, назывался Іоанномъ, считалъ себя рабомъ (а не апостоломъ) Іисуса Христа и написалъ свое произведеніе на островѣ Патмосѣ. Чтобы опредѣлить время происхожденія, открывается двоякій путь: или истолковать такъ или иначе апокалиптические образы, символизирующіе, несомнѣнно, отчасти историческія событія (а отчасти будущія времена), или поискать вѣшнихъ свидѣтельствъ, говорящихъ о книгѣ, притомъ такихъ свидѣтельствъ, хронологическая дата которыхъ точно извѣстна и подлинность несомнѣнна. Первый способъ весьма ненадеженъ, такъ какъ мы не можемъ сразу опредѣлить въ точности, что именно разумѣлъ подъ своими образами авторъ Апок.; поэтому, приходится прибѣгнуть ко второму способу.

Этотъ способъ даетъ намъ такія указанія. Начиная съ середины II вѣка послѣ Р. Х., т.-е. съ того момента, когда появляются первые церковные писатели, Апок. уже извѣстенъ въ самыхъ широкихъ кругахъ. Говоря проще, нѣтъ ни одного мало-мальски значительнаго церковнаго писателя, нѣтъ ни одного значительнаго церковнаго теченія, которое не знало бы Апок. и не интересовалось бы имъ. Чтобы не затруднять читателей приведеніемъ цитатъ, мы только перечислимъ тѣхъ церковныхъ писателей II—IV в., которые упоминаютъ объ Апок., или обсуждаютъ связанные съ нимъ вопросы, или цитируютъ его, или посвящаютъ ему цѣлыя книги, напр. въ видѣ комментаріевъ. Это будутъ: Папій, Мелитонъ, Теофилъ,

Іустинъ Мученикъ, Поликарпъ, Аполлоній, Поликрать (эфесскій), Діонисій Коринескій, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Памфілій Кесарійскій, Меоодій Ликійскій, Иринеи, Діонисій Александрійскій, Ипполитъ Римскій, Тертулліанъ, Іеронимъ, Кипріанъ, Коммодіанъ, Лактанцій, Викторинъ, Тихоній, Евсевій, Афанасій Александрійскій, Епифаній, Григорій Нисскій, Дидимъ, Кириллъ Александрійскій; изъ церковныхъ теченій Апок. знаютъ, цитируютъ и толкуютъ: алогисты, монتانьисты, гностики, донатисты. Значеніе этого перечня станетъ тѣмъ болѣе велико, когда мы обратимъ вниманіе на самое содержаніе упоминаній объ Апок., дѣлаемыхъ указанными авторами. Мы видимъ, что нѣкоторые, правда немногіе, комментируютъ Апок.; таковы Оригенъ, Викторинъ, Тихоній, нѣкоторые гностики; громадное большинство прочихъ авторовъ или цитируютъ Апок. съ буквальною точностью, или разбираютъ вопросъ о томъ, кто является авторомъ Апок., или оцѣниваютъ значеніе Апок., какъ книги канонической или неканонической. Допустимъ, что мѣста, дающія цитаты или комментаріи, могутъ быть простыми позднѣйшими вставками, какъ думаетъ Морозовъ, и обратимся къ спору объ авторѣ Апок. и къ спору о его каноническомъ достоинствѣ. Оба эти спора имѣютъ предметомъ такіе сюжеты, которые не такъ-то легко поддѣлать.

Споръ о томъ, кто былъ авторомъ Апок., начался очень рано. Огчасти мы можемъ прослѣдить его по отдѣльнымъ сочиненіямъ отцовъ церкви; связанное изображеніе его даетъ, кромѣ того, Евсевій въ своей *Hist. ecclesiast.* (ум. въ 340), при чемъ изображеніе Евсевія во всѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ сохранившійся оригиналъ церковнаго писателя, котораго онъ цитируетъ, вполне точно и добросовѣстно совпадаетъ съ такими оригиналами. Большинство церковныхъ писателей склонялось къ тому, что Апок. написанъ апостоломъ Іоанномъ, сосланнымъ на Патмосъ Домиціаномъ (Иринеи, Викторинъ, Іеронимъ), или Клавдіемъ (Епифаній), или Нерономъ (Феофилактъ); первый, кто опредѣленно провозгласилъ авторомъ Апок. апостола Іоанна, былъ Іустинъ Мученикъ (*Dial.* 81); наоборотъ, нѣкоторые церковные писатели не признавали авторомъ Апок. апостола Іоанна, исходя изъ несоотвѣтствія цѣлаго ряда мѣстъ Апок. съ посланіями, приписываемыми Іоанну, и четвертымъ евангеліемъ. Таковы были алогисты, считавшіе вообще всю книгу неправдоподобной и странной, Климентъ Александрійскій, и въ особенности Діонисій Александрійскій (ум. 264). Этотъ послѣдній указываетъ и на возможныхъ авторовъ Апок.; это по его мнѣнію, или Іоаннъ Маркъ, спутникъ апостола Павла, или пресвитеръ Іоаннъ (послѣдняго Діонисій не указываетъ опредѣленно,

но, по словамъ Евсевія, Діонисій имѣлъ въ виду его). Оба Іоанна, по словамъ Діонисія, были памятны въ Ефесѣ, старинной малоазіатской церкви (ср. Евсев., Hist eccles. VII, 25,₁₅₋₁₆; III, 37,₆). Несклоненъ былъ считать Апок. апостольскимъ произведеніемъ и Евсевій, хотя онъ опредѣленно не высказывается въ отрицательномъ смыслѣ.

Другой вопросъ, весьма занимавшій церковныхъ писателей и дѣятелей, это вопросъ о канонизаціи Апок., т.-е. о внесеніи его въ списокъ тѣхъ книгъ, которыя, по мнѣнію церкви, имѣютъ общепризнанный авторитетъ божественнаго откровенія. Списки такихъ книгъ стали составляться во второй половинѣ II в., въ силу необходимости, вызванной борьбою съ гностиками. Послѣдніе, какъ напр. Маркіонъ, полемизируя съ христіанскими ортодоксами, ссылались на тексты евангелій и другихъ произведеній, вышедшихъ, по ихъ мнѣнію, изъ апостольской среды; чтобы успѣшно вести полемику, церковнымъ писателямъ понадобилось провѣрить авторитетность тѣхъ или иныхъ книгъ, ибо писаній много, но не всѣ они божественны. Такъ мало-по-малу сталъ вырабатываться канонъ. Древнѣйшій документъ, въ которомъ указаны книги, имѣющія божественный авторитетъ и достойныя церковнаго употребленія, это такъ наз. канонъ Муратори, названный по имени бібліотекаря Коллегіи св. Амвросія въ Миланѣ, который открылъ этотъ документъ около 1700 г. Документъ составленъ въ Римѣ вскорѣ послѣ епископа римскаго Пія (около 140), слѣдовательно, во второй половинѣ II в. Этотъ канонъ знаетъ, наряду съ евангеліями (начало его утрачено, онъ начинается съ Марка), дѣянія, тринадцать посланій Павла (кромѣ посл. къ Евр.), повидимому также два посланія Іоанна, посл. Іуды (здѣсь текстъ испорченъ), наконецъ, нашъ Апок. и въ качествѣ сомнительныхъ, Апок. Петра и Апок. Гермы. Далѣе, около 200 г. два другихъ церковныхъ писателя на Западѣ, Ириней и Тертуліанъ, выступили со своими мнѣніями о каноничности различныхъ книгъ. И тотъ и другой считаютъ спорными посланія къ Евр. и посл. Іакова, но считаютъ вполне каноничнымъ Апок. Тертуліанъ при этомъ дѣлитъ всѣ книги на евангельскія и апостольскія писанія, или „орудія“ (instrumenta). На Востокѣ Апок., наоборотъ, считался спорнымъ. Только Оригенъ (въ III в.) относилъ его, какъ и посланія къ Евр., къ числу „общепризнанныхъ и безспорныхъ“ (ὁμολογούμενα или ἀποφθόγῃς) книгъ; Климентъ Алекс. (III в.) не признаетъ каноничнымъ Апок., открытымъ вопросъ объ Апок. оставляетъ и Евсевій; но тотъ и другой считаютъ произведеніемъ Павла посланіе къ Евреямъ. Только въ 367 г. Афанасій Александрійскій вступился за Апок. и включилъ его

въ число тѣхъ книгъ, которыя должны почитаться авторитетными и божественными, а потому и каноничными. Всѣ книги онъ раздѣлялъ по степени ихъ авторитетности и важности на три класса, при чемъ Апок. поставленъ въ первый классъ, наряду съ посланіями и евангеліями. Не удовлетвовавшись этимъ литературнымъ выступленіемъ, Аѳанасій ѣздилъ нѣсколько разъ на Западъ, собиралъ синоды, и въ результатъ западъ принялъ въ канонъ посланіе къ Евреямъ, а Востокъ — Апок., хотя въ послѣдствіи на Востокъ еще находились отдѣльные противники каноническаго достоинства Апок.*).

Такимъ образомъ, это подавляющее количество свидѣтельствъ объ Апок., начиная съ половины II в., заставляетъ насъ принять, что книга эта явилась не позднѣе начала II вѣка, такъ какъ долженъ былъ пройти извѣстный промежутокъ времени, прежде чѣмъ она получила настолько широкую извѣстность и авторитетъ, что неизвѣстный авторъ канона Муратори счелъ возможнымъ включить ее въ свой списокъ священныхъ книгъ. Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ ясно также, что уже для христіанъ II вѣка представлялся важнымъ вопросъ о принадлежности Апок. опредѣленному лицу. Такое же явленіе замѣчается и относительно нѣкоторыхъ другихъ произведеній новозавѣтной литературы, напр. посл. къ Евреямъ и посланій другихъ апостоловъ, кромѣ Павла, которыя не сразу были приписаны опредѣленнымъ лицамъ. Но въ силу склонности церкви приписывать пользующіеся уваженіемъ произведенія апостоламъ, Апок., подобно указаннымъ посланіямъ, большинство церковныхъ писателей приписывало апостолу Іоанну. Однако, тотъ фактъ, что находились весьма авторитетные люди, отрицавшіе авторство апостола Іоанна, для насъ уже достаточно, чтобы признать напередъ, что ап. Іоаннъ, по всей вѣроятности, не былъ авторомъ Апок.

Итакъ, патристическая литература даетъ возможность указать срокъ, не позднѣе котораго появился Апок., и кромѣ того открываетъ вопросъ объ авторѣ Апок. Точное опредѣленіе времени происхожденія и автора Апок. возможно, однако, только на основаніи тщательнаго критическаго изслѣдованія и истолкованія содержанія Апок. Вопросы эти давно уже занимали вниманіе богословъ протестантской критической школы, кото-

---

*) Ср. главнымъ образомъ: *Holtzmann*, Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in das Neue Testament, Freiburg, 1892; *его же* Die Entstehung des Neuen Testaments, Tübingen, 1902; *Harnack*, Das Neue Testament um das Jahr 200. Подробно литература по исторіи канона указана у *Holtzmann'a*, Einleitung, S. 75 ff.

рые создали огромную литературу объ Апок., въ формѣ цѣлаго ряда изслѣдованій и безчисленнаго количества журнальных статей. По мѣрѣ все болѣе и болѣе глубокаго изслѣдованія Апок., выдвинулась новая проблема, отъ того или иного рѣшенія которой зависить рѣшеніе поставленныхъ выше вопросовъ. Это проблема объ *единствѣ*, цѣльности Апок. Въ настоящее время лучшіе изслѣдователи Апок. склоняются къ той мысли, что Апок. не есть оригинальное произведеніе одного автора, а или компилятивное произведеніе неизвѣстнаго редактора, или обросшее добавленіями первоначальное сравнительно небольшое ядро. Вмѣстѣ съ этимъ, получаетъ совершенно новую постановку и вопросъ о времени происхожденія и объ авторѣ. Приходится говорить уже о нѣсколькихъ авторахъ нѣсколькихъ частей, появившихся въ различное время. Изъ вышеприведеннаго ясно, что намъ, слѣдовательно, предстоитъ рассмотреть три вопроса: 1) что сдѣлано для истолкованія Апок., 2) когда и кѣмъ онъ написанъ, если онъ есть произведеніе одного автора, 3) каково время происхожденія и каковы авторы его частей, если онъ есть составное произведеніе.

Свѣтскій читатель, впервые читающій Апок. и незнакомый съ іудейской апокалиптической литературой, станетъ въ тупикъ, когда познакомится съ содержаніемъ Апок. Передъ нимъ пройдетъ фантасмагорія странныхъ, иногда чудовищныхъ образовъ, символика, для него совершенно непонятная. Но для лица, болѣе или менѣе знакомаго съ іудейской апокалиптической литературой, бѣлая часть образовъ Апок. окажется старыми знакомыми. II и I в. до Р. Х. и I вѣкъ послѣ Р. Х. породили весьма многочисленную литературу іудейскихъ апокалипсисовъ, т.-е. откровеній о послѣднихъ дняхъ міра, о судѣ Мессіи надъ Израилемъ и надъ всѣми другими народами и о наступленіи мессіаническаго царства, представлявшагося въ болѣе или менѣе матеріальномъ видѣ. Мы не можемъ здѣсь входить въ подробную оцѣнку условій, способствовавшихъ возникновенію такой литературы; скажемъ только, что отчасти она диктовалась національными бѣдствіями, какъ книга Даніила (эпохи преслѣдованія Антиоха Епифана), отчасти соціальной борьбою въ Іудеѣ (части составной книги Еноха, Отшествіе Моисея, апок. Варуха и др.). Самымъ общимъ и необходимымъ условіемъ появленія апокалипсисовъ была наличность тяжелыхъ бѣдствій, невыносимыхъ, казавшихся апогеемъ горя. Выработалась характерная техническая система построенія апокалипсисовъ. Обыкновенно, апокалипсисы издавались подъ чуждымъ именемъ, именно подъ именами старинныхъ святыхъ людей. Святой человѣкъ дѣлаетъ предсказаніе о будущемъ, на основаніи символи-

ческих видѣній, которыя ему открываетъ богъ. Будущее изображается въ этихъ видѣніяхъ символически, большею частью въ видѣ животныхъ, изображающихъ народы, царства и государей. Таковы общеизвѣстные звѣри Даниила; у Еноха въ качествѣ образовъ фигурируютъ быки, овцы, львы, шакалы, волки, лисицы, орлы, коршунъ и ястребы. Иногда, какъ у Даниила и Еноха видѣнія разъясняются ангеломъ; но когда такого разъясненія нѣтъ, вполне ясно, о чемъ идетъ рѣчь, такъ какъ историческія событія описываются весьма точно, и только вмѣсто людей фигурируютъ звѣри. Каждый святой старецъ излагаетъ, такимъ образомъ, исторію Израиля и другихъ народовъ, входившихъ въ соприкосновеніе съ нимъ, вплоть до того времени, когда появилась книга. Такимъ образомъ, послѣднее дѣйствительное историческое событіе, послѣ котораго идетъ фантастическое описаніе суда и мессіаническаго царства, даетъ возможность вполне точно опредѣлить дату того или другого апокалипсиса. Эта техника была рассчитана на вполне опредѣленное впечатлѣніе: точное исполненіе звѣринаго пророчества должно было увѣрить страждущаго читателя въ томъ, что такъ же точно сбудется и предсказаніе о близкомъ наступленіи суда и конца міра, когда Израиль получитъ награду за свое долготерпѣніе. Одни изъ образовъ апокалиптики представляютъ изъ себя ея специфическую принадлежность; другіе, наоборотъ, заимствованы изъ древней пророческой литературы; отличить тѣ и другіе можно всегда безъ дальнѣйшихъ изысканій ¹⁾.

Къ разряду такихъ же произведеній принадлежит и христіанскій апокалипсисъ Іоанна. Изъ VI гл. его видно, что поводомъ къ проникновенію этого рода литературы въ христіанскую сферу были гоненія на христіанъ за ихъ вѣру. Надо имѣть при этомъ еще въ виду, что первоначальная христіанская община въ Іерусалимѣ была собственно іудейской сектой, ожидавшей, что Іисусъ въ качествѣ Мессіи въ самомъ скоромъ времени явится на облакахъ судить весь міръ. Такимъ образомъ, среди іудео-христіанъ почва для Апок. была готова; ихъ чаяніи, какъ видно изъ нѣла-

---

¹⁾ Русскій читатель найдетъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ іуд. апок. литературѣ въ русск. пер. книги *Гольмана* „Паденіе іудейскаго государства“. Тамъ, въ главахъ о литературѣ изложено содержаніе книги Даниила, Еноха и нѣк. др. Систематическое изложеніе лучше всего у *Schürer's* *Geschichte des jüdisch. Volkes im Zeitalter Jesu Christi*, B. II, S. 406 ff., B. III, S. 181 ff. Интересна статья *Smend's* „Ueber jüdische Apokalyptik“, въ *Zeitschrift für A. T. Wissenschaft*, 1885. Остальная литература или устарѣла, или представляетъ изъ себя спец. изслѣдованія объ отдѣльных книгахъ.

го ряда мѣстъ посланій ап. Павла, распространились и среди греческихъ христіанскихъ общинъ въ Малой Азіи (ср. напр. I Фесс. IV, 16; I Кор. XV, 52 и др.). Ближайшее знакомство съ Апок., кромѣ символовъ, заимствованныхъ изъ іудейской апокалиптической литературы, обнаруживаетъ еще двѣ характеристическія черты зависимости Апок. отъ іудейской апокалиптики. Во-первыхъ, это языкъ нашего Апок. Онъ мало сходенъ съ обыкновеннымъ *народнымъ* греческимъ діалектомъ, на которомъ написана остальная новозавѣтная литература. Языкъ этой послѣдней сильно отличается отъ литературнаго греческаго языка той эпохи по словопотребленію и по нѣкоторымъ грамматическимъ оборотамъ; но это все-таки чистый греческій языкъ. Нельзя сказать того же самаго про языкъ Апок.: его языкъ обнаруживаетъ ясныя слѣды того, что нѣкоторые части книги первоначально были составлены на арамейскомъ или еврейскомъ нарѣчій или были написаны лицомъ, плохо владѣвшимъ греч. яз. и имѣвшимъ передъ собою еврейскіе оригиналы. По выраженію одного изъ критиковъ Апок., его греческій языкъ есть полуварварскій языкъ. Больше всего въ этомъ отношеніи даетъ матеріала гл. XII, гдѣ употребляются специфическіе еврейскіе обороты, совершенно несвойственные греческому языку (напримѣръ, жена родила *יבן זרעו*—сына мужского пола—по-гречески это тавтологія, по выраженію это есть буквальный переводъ еврейскаго выраженія *ben zachar*, гдѣ *ben* означаетъ *дитя, сынъ*; выраженіе это встрѣчается у Іерем. XX, 15; соотносительныя выраженія *שָׁחַח*—*эхэ* несвойственны греч. яз. и есть тоже переводъ евр. яз. *'ascher*—*scham*; кромѣ этихъ выраженій, въ главѣ встрѣчается постоянная конструкція сокращенія придаточныхъ предложений посредствомъ члена *עַד* + *infinit. perfecti*—конструкція, опять-таки не греческая, а еврейская; ср. подробно у *Gunkel*, *Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit*, 200—201). Въ другихъ частяхъ Апок. обнаруживается, кромѣ гебраизмовъ, еще типичный для еврейской стилистики параллелизмъ членовъ (ср. *Spitta*, *Offenbarung Johannis*, 486—489; тамъ же любопытныя наблюденія надъ словопотребленіемъ въ различныхъ частяхъ Апок.). Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ главахъ Апок. обнаруживаются чисто юдаистическія тенденціи: передъ окончательнымъ судомъ запечатлѣваются 144000 праведниковъ, по 12000 изъ cadaго колѣна израилева, которые будутъ жить съ Мессіей въ тысячелѣтнемъ царствѣ; Іерусалимъ—святой городъ, который будетъ существовать въ обновленномъ видѣ и въ мессіаническомъ царствѣ; его воротъ—двѣнадцать, на нихъ написаны имена двѣнадцати колѣнъ; кромѣ этихъ, прямо бросающихся въ глаза, характерныхъ чертъ, еще цѣлый рядъ признаковъ выдаетъ іудейское происхож-

деніе Апок. и его тѣсное родство съ іудейскою апокалиптической литературой.

Таковы первые, самые общіе, результаты, которые у насъ получаются при знакомствѣ съ Апок. Но сразу же бросается въ глаза и одно крупное различіе.

Апок. въ настоящемъ видѣ есть произведеніе, обработанное христіанскою рукою, которая черпала матеріалъ изъ іудейскихъ источниковъ, но писала не для іудеевъ, а для христіанъ. Поэтому, въ Апок. остался безъ примѣненія обычный пріемъ апокалиптики: давать всю исторію отъ времени жизни древняго святого, подъ флагомъ котораго выходила книга, до момента ея появленія. Это объясняется тѣмъ, что христіанская секта была еще молодая; самымъ древнимъ ея авторитетомъ былъ Іисусъ (которому и вложенъ въ уста апокалиписисъ, ср. Матѣ. 24, Марк. 13, Лук. 21), прошлаго у нея не было, было только настоящее и туманное будущее. Поэтому, въ Апок. прямо дается предсказаніе о послѣднихъ временахъ міра; намеки на историческія событія есть, несомнѣнно, въ символическихъ изображеніяхъ трехъ семикратныхъ рядовъ бѣдствій, но это событія не спеціально христіанской, а общеимперской жизни. Такимъ образомъ, мы лишены возможности опредѣлить время происхожденія Апок. такъ же просто и точно, какъ это удастся относительно всѣхъ почти іудейскихъ апокалиписисовъ; приходится *сначала* толковать Апок., а потомъ, на основаніи результатовъ толкованія опредѣлять составъ Апок. и время его появленія, а не наоборотъ: толковать на основаніи точной даты.

Толкованіе Апок. дало слѣдующіе безспорные результаты. Прежде всего, общепризнано, что, независимо отъ вопроса, есть ли Апок. цѣльное или составное произведеніе, въ основѣ его лежатъ не христіанская, а іудейская традиція, традиція отчасти іудейской апокалиптики, отчасти ветхозавѣтной литературы. Определенно установлено литературное происхожденіе всѣхъ странныхъ образовъ Апок. независимо отъ того или другого ихъ значенія въ данномъ мѣстѣ Апок. Исслѣдованія въ этой области привели къ чрезвычайно цѣннымъ и любопытнымъ результатамъ не только по отношенію къ Апок., но и по отношенію къ еврейской литературѣ и культурѣ вообще. Разсмотримъ по порядку происхожденіе главнѣйшихъ образовъ Апок.

На первомъ мѣстѣ надо поставить чудовищныхъ апокалиптическихъ звѣрей. Это драконъ съ семью головами и десятью рогами (гл. XII), чудовищный звѣрь съ семью головами и десятью рогами, подобный барсу, ноги у него, какъ у медвѣдя, пасть, какъ у льва и другой звѣрь съ двумя рогами (гл. XIII), наконецъ, жена, сидящая на звѣрѣ багряномъ съ семью

головами и десятию рогами (гл. XVII). Это старые образы, известные еще из книги Даниила. Тамъ въ гл. VII Данииль видитъ четырехъ звѣрей: одинъ подобенъ льву, второй—медвѣдю, третій—барсу, четвертый—отличный отъ всѣхъ другихъ, съ десятию рогами. Подобные этимъ звѣрямъ чудовища упоминаются и въ другихъ апокалипсисахъ, гдѣ они носятъ опредѣленные названія: Левіаѳанъ и Бегемотъ (Ен. 60, Варухъ 29, IV Езры, V.). Звѣри эти выходятъ, обычно, изъ моря, появляются въ послѣднія времена, какъ враги Мессіи, который побѣждаетъ ихъ. Иногда, какъ у Даниила и въ XVII гл. Апок., указывается опредѣленно, что именно они означаютъ; въ другихъ случаяхъ они появляются безъ такихъ поясненій. Долго ломали голову надъ вопросомъ о происхожденіи такихъ чудовищныхъ образовъ; не случайно же они явились въ литературѣ и сдѣлались ея любимыми образами. Этотъ вопросъ блестяще разрѣшилъ *Gunkel*, книга котораго „*Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit*“ (Göttingen, 1895) составила цѣлую эпоху въ толкованіи іудейской апокалиптики и нашего Апок. *) Путемъ детальнаго разбора разсказа Быт. I. о твореніи, цѣлаго ряда мѣстъ ветхозавѣтной литературы, гдѣ упоминаются Рахавъ, Левіаѳанъ, Бегемотъ и другія страшныя морскія чудовища, наконецъ, путемъ разбора мѣстъ Даниила и Апок. въ связи съ другими мѣстами апокалиптической литературы, гдѣ являются такіе же морскія чудовища, Гункель пришелъ къ такому безспорному результату: мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ чѣмъ инымъ, какъ съ опредѣленнымъ міеологическимъ представленіемъ о началѣ и концѣ міра, которое, въ свою очередь, есть результатъ вліянія вавилонской міеологіи, именно, вавилонскаго міеа о твореніи. Суть этого послѣдняго міеа заключается въ слѣдующемъ: когда не было еще теперешняго міра, все было хаосъ, вода и тьма, тогда былъ только праотецъ Анеу (океанъ) и праматерь Тіаматъ (=tehom Быт. I, до сихъ поръ загадочное слово, *femin.*, какъ и Тіаматъ, значеніе—водный хаосъ). Изъ смѣшенія водъ Анеу и Тіаматъ произошли сначала всѣ боги верхняго міра и водяной бездны. Послѣ этого Тіаматъ вмѣстѣ съ богами бездны начала войну противъ своихъ же дѣтищъ, боговъ неба (причина не ясна, вслѣдствіе дефектовъ текста въ этомъ мѣстѣ). Варіантъ міеа говорить о жестокомъ владычествѣ Тіаматъ не только надъ богами, но и надъ людьми. Главнымъ помощникомъ Тіаматъ является чудовищный богъ Кингу; сама Тіаматъ изображается страшнымъ звѣремъ, съ головою льва,

*) Дальнѣйшее развитіе взгляды Гункеля получили въ его-же книгѣ „*Zur religionsgeschichtlichen Verständniss des N. T.*“ и въ книгѣ *Bousset* „*Kommentar zur Offenbarung Joh.*“.

ногами медвѣдя, туловищемъ барса и орлиными крыльями; иногда она является въ видѣ многоголового чудовища. Борьба рѣшается единоборствомъ молодого бога Мардука, сына бога Эа и неизвѣстной богини, съ Тіаматъ: онъ побѣждаетъ ее, разсѣкаетъ ея тѣло на двѣ части, изъ одной части создаетъ воды земныя, изъ другой—воды небесныя, а изъ нихъ—всѣ послѣдующія неорганическія и органическія тѣла, въ томъ же порядкѣ, какъ и въ Быт. I. Этотъ мифъ, въ значительно модифицированномъ видѣ, удержался и у евреевъ. Модификація заключалась въ томъ, что евреи представляли себѣ (какъ видно изъ цѣлаго ряда мѣстъ ветхозавѣтной литературы) на мѣстѣ Мардука—Ягве (который, какъ и Мардукъ, былъ первоначально богомъ грома), а на мѣстѣ Тіаматъ, Кингу и боговъ водяной бездны—Левіаана, Рахава, Бегемота и страшныхъ водяныхъ драконовъ (*rehabhim u tanninim*): Ягве побѣдилъ ихъ послѣ долгой борьбы, но не уничтожилъ окончательно, а только обуздалъ ихъ, заперъ въ водяной безднѣ. Тамъ они и будутъ пребывать до послѣднихъ временъ міра; въ концѣ предстоить снова ихъ борьба за власть, не съ Ягве, а съ Мессіей. Какъ видно изъ цѣлаго ряда мѣстъ Еноха, IV Езры, Варуха, нашего Апок., изъ посланій Павла и, наконецъ, изъ неизвѣстнаго апокалипсиса, цитированнаго въ апокрифическомъ посланіи Варнавы *), первоначальное христіанство и іудейство представляли себѣ конецъ міра въ томъ же видѣ, какъ и его начало. Какъ создано старое небо и земля, такъ послѣ гибели ихъ будетъ новое твореніе новой земли и новаго неба. Первый міръ вышелъ изъ гробовой тишины; такое же молчаніе будетъ предшествовать и новому творенію; какъ древній змій искушалъ первыхъ людей, такъ и святыхъ людей будетъ искушать передъ концомъ противникъ Мессіи (антихристъ); рай съ дровомъ жизни снова появится въ качествѣ жилища для праведныхъ послѣ кончины міра; бѣдствія и казни, которыя предшествовали первому искупленію, при исходѣ изъ Египта, повторятся передъ концомъ міра; было даже представленіе, что повторится и потопъ, посредствомъ котораго будетъ истреблена вся земля и все живущее на ней. Въ этой связи вполне понятно появленіе вновь страшныхъ морскихъ чудовищъ для послѣдней борьбы съ небомъ. Они появятся вновь въ послѣднія времена; они будутъ преслѣдовать святыхъ *избранниковъ бога*, пока ниспосланный имъ Мессія не уничтожитъ ихъ на этотъ разъ окончательно **).

*) Оттуда Gunkel беретъ и чрезвычайно удачный эпиграфъ для своей книги: *יְהוָה הוּא אֱלֹהֵינוּ וְהוּא הוּא אֱלֹהֵיכֶם*—вотъ я дѣлаю послѣднее, какъ первое.

**) *Jeremias Babylonisches im Neuen Testament*, Leipzig. 1905) привлекаетъ для объясненія XII гл. мифъ о рожденіи и гибели солнечнаго (годового)

Вотъ откуда эти страшные звѣри всѣхъ апокалипсисовъ. Въ однихъ апокалипсисахъ, какъ Еноха, Варуха, Езры, они даже не символы: это подлинныя звѣри, выходящіе изъ морской бездны для послѣдней борьбы. Въ другихъ апокалипсисахъ они примѣняются въ томъ же смыслѣ, какъ у пророковъ и въ псалмахъ, гдѣ чудовищный морской звѣрь Рахавъ есть символъ Египта, притѣснителя евреевъ. У Даніила они символизируютъ царства, преслѣдовавшія іудеевъ; въ Апок. Іоанна отчасти они тоже символы (римской державы—гл. XIII и XVII); но гл. XII даетъ прямо рассказъ міеологическаго характера. Изъ моря вышелъ страшный драконъ (=tiamat); какъ разъ въ это время рождается Мессія (=Мардукъ), которому суждено побѣдить дракона; тогда драконъ преслѣдуетъ богиню-мать (облечена солнцемъ, со звѣздами—такъ изображалась одна вавилонская богиня), которая убѣгаетъ въ пустыню, *безводное* мѣсто, гдѣ ее не можетъ поймать драконъ, это не его стихія; онъ пускаетъ за ней струю воды, чтобы поглотить ее, но она спасается и отъ этого. Кромѣ того, идетъ на небѣ война: небожители воюютъ съ дракономъ и его ангелами и прогоняютъ его съ неба; тогда онъ начинаетъ преслѣдовать святой народъ, пока растеть на небѣ его будущій избавитель. Конецъ рассказа XII гл. мы находимъ въ XIX, 11—XX, 10 (съ редакционными вставками и поправками), гдѣ описывается бой Мессіа съ дракономъ и уничтоженіе его въ сѣрномъ горящемъ озерѣ (вода противоположна огню). Такъ же гибнетъ и великая блудница, Римъ (гл. XVII—XVIII), уничтожаемая пожаромъ. Гункель объясняетъ неопровержимымъ образомъ и всѣ другія детали и образы рассказовъ объ этихъ чудовищахъ, такъ что въ концѣ концовъ не остается ничего неяснаго. Даже загадочное число, 666, есть по его мнѣнію сумма числовыхъ значеній еврейскихъ согласныхъ буквъ (гласныхъ въ евр. нѣтъ), составляющихъ слова *tehōm qadhemōnah*—первичный хаосъ (то же прилагательное употребляется для обозначенія древняго змѣя рая, перваго человѣка, первоначальнаго неба). Толкованіе

бога, существовавшій и у вавилонянъ, и у египтянъ (см. стр. 24 и слѣд.). Но этотъ міосъ, какъ указалъ уже ранѣе Гункель („Schöpfung und Chaos“, стр. 25) есть не что иное, какъ индонзмѣненіе міоса о твореніи. Міръ весною каждый годъ снова возобновляется изъ воднаго змѣннаго хаоса (періода дождей)—Мардукъ снова каждый годъ побѣждаетъ Тіаматъ. Надо замѣтить при этомъ, что Іереміасъ ставитъ себѣ задачи апологетическія и поэтому во многомъ несогласенъ съ Гункелемъ. Его цѣль—доказать, что евангеліе есть единая вѣчная истина, все же остальное есть только грубая виѣшняя оболочка.

звѣрей XIII и блудницы XVII, какъ Рима, дается, во-первыхъ поясненіями ангела XVII гл., во-вторыхъ, эпохой конца I—нач. II вѣка, когда появился Апок., наконецъ, равнинистическимъ толкованьемъ термина *tehom* въ качествѣ Рима (ср. Gunkel, 374).

Открытие Гункеля сослужило, такимъ образомъ, службу не только для толкованія Апок., но и для разрѣшенія важнаго вопроса о вліяніи вавилонской культуры на еврейскую. Слѣды этого послѣдняго видны въ цѣломъ рядѣ другихъ образовъ Апок. Священное число *семь*—вавилонское, число семи планетныхъ боговъ. Семь духовъ, семь ангеловъ, семь свѣтильниковъ—вавилонскаго происхожденія. Первые два явленія синонимичны. Семь духовъ или семь ангеловъ—это семь архангеловъ, соотвѣствующихъ семи планетнымъ богамъ; по ихъ именамъ были названы у евреевъ, какъ у вавилонянъ, семь дней недѣли (см. таблицу у Гункеля, 301). Эти семь архангеловъ являются и у Товита, и у Еноха; имена ихъ, какъ говоритъ Мпшина, вавилонскаго происхожденія (см. Гункель, 300). Семь свѣтильниковъ—это перенесенные на небо семь свѣтильниковъ іерусалимскаго храма; число ихъ объясняется такъ же. 24 старца тоже вавилонскаго происхожденія: у вавилонянъ было такое представленіе, что кромѣ зодіака, надо выдѣлять еще 24 звѣзды, половину на сѣверѣ, половину на югѣ неба; это судьи міра, сидящіе около главнаго бога (вопросъ о томъ, какія это звѣзды, еще не рѣшенъ ассиріологами). Подобно тому, какъ Ягве является постоянно съ атрибутами Мардука, такъ и эти боги перешли въ іудейскую міеологію съ атрибутами судей, окружающихъ бога и восхваляющихъ его (ср. Гункель, 302 и слѣд.). Шестъ казней при открытіи первыхъ шести печатей гл. IV и небесный праздникъ при открытіи седьмой печати (гл. VIII, I, VII, 9—12) идутъ, какъ и твореніе, въ порядкѣ дней недѣли. Первая печать—бѣлый конь—луна, которой у вавилонянъ присвоенъ былъ бѣлый цвѣтъ,—понедѣльникъ; вторая печать—красный конь—Марсъ (вторникъ); третья печать—черный конь—Меркурій (среда); 4-я печать—Юпитеръ, (четвергъ) буланый конь, символъ моровой язвы (Мардукъ въ вавилонской міеологіи имѣетъ этотъ цвѣтъ и чередуется по свойствамъ съ Сатурномъ—Нергалеми); пятая печать—души мертвыхъ въ адѣ—Венера-Иштаръ, слонившая въ адъ и борющаяся со смертію—пятница. Шестая печать—гибель міра—Сатурнъ—суббота. Седьмая печать—празднество на небѣ по случаю побѣды агнца—воскресенье. Кони взяты у Захаріи, гл. VI, гдѣ они того же цвѣта и выступаютъ въ качествѣ четырехъ вѣтровъ; мечъ, голодъ и моровая язва, сопровождающія выступленіе второго, третьяго и четвертаго коня—обычная въ

ветхозавѣтной литературѣ схема каръ, ниспосылаемыхъ Богомъ (см. Иерем. XXI, 7, XIV, 12. Иезек., XII, 16 *).

Далѣе, прочіе мало-мальски интересныя образы и картины Апок. заимствованы или изъ ветхозавѣтной, или изъ апокалиптической литературы. Описаніе трона бога въ V гл. составлено (кромѣ 24 старцевъ) изъ чертъ различныхъ теофаній (Иезек., I, 26—28, X; Дан. VII, 9 и слѣд., Енохъ, 14, 8 слѣд.); четыре животныхъ IV, 8 взяты изъ Еноха, 39, 13. Книга V, I заимствована у Иезек. II, 9; кляжка X гл. — у него же, III, 2 и слѣд. Четыре губительныхъ вѣтра VII гл.—обычное представленіе (см. у Еноха, 34—36, 76, 77 и др.; въ гл. 76 говорится, что вѣтры приносятъ холодъ, засуху, голодъ, жаръ, чуму, саранчу и проч). Трубы VIII и слѣд. гл.—обычное представленіе, связанное съ послѣдними днями: ср. I Фесс. IV, 16; „Отшествіе Моисея“ говоритъ, что въ послѣдній день суда трубить архангелъ Михаилъ. Бѣдствія, которыми сопровождаются семь трубныхъ звуковъ, соотвѣтствуютъ семи египетскимъ язвамъ; явленіе ковчега завѣта въ XI, 19 соотвѣтствуетъ апокрифической традиціи, приводимой Епифаніемъ, о пророкѣ Иереміи, который будто бы спряталъ ковчегъ при разрушеніи Іерусалима; ковчегъ долженъ явиться снова въ послѣдніе дни на Сіонѣ (ср. Spitta, 350). Тысячелѣтнее царство Агнца съ запечатлѣнными 144000 — весьма распространенная идея въ апокалиптикѣ I в. Мѣняется только срокъ: по IV Езры (VII, 28)—оно будетъ 400 лѣтъ; по другимъ—2000 лѣтъ (II Петра). Какъ говоритъ Иреней, этотъ расчетъ покоится на томъ, что новая земля будетъ существовать столько времени, сколько продолжалось ея твореніе; но семь дней эти надо мѣрить божественною мѣрою, и тогда, по пс. 90, 4, семь дней = 1000 лѣтъ (ср. Spitta, 411—412). Идея о тысячелѣтнемъ царствѣ стала любимой идеей христіанъ II и III вѣка и отчасти гностиковъ; противъ матеріалистическаго представленія объ этомъ царствѣ энергично выступалъ Оригенъ. 42 мѣсяца, „время, два времени и полвремени“—изъ Даниила; два свидѣтеля XIII гл., это Іаія и Моисей, которые, по представленію апокалиптики, должны явиться передъ судомъ; это представленіе въ свою очередь покоится на цѣломъ рядѣ идей ветхаго завѣта (ср. Spitta,

---

*) О толкованіи печатей, какъ недѣли, см. *Jeremias, Babylonisches im N. T.*, 24 слѣд. Распорядокъ текста Апок. (при седьмой печати): см. Spitta, о. с. 73 ff. Что третій конь несетъ съ собою голодъ, ясно изъ сравненія цѣнъ на хлѣбъ VI, 6 съ обычными цѣнами I в.: за динарій продавали обыкновенно въ эпоху Цицерона 12 хиниксовъ пшеницы, или 24 хиникса ячменя. Ср. Spitta, 294.

425 — 426). Загадочныя конскія узды XV, 20 объясняются изъ Ен., 100, 1: въ тѣ дни (последніе), прольется столько крови, что „конь будетъ по грудь идти въ крови грѣшниковъ“. Разсказъ о судѣ надъ блудницей (XVIII гл.)—мозаика изъ Іер. 50, 51, Іезек., 26, 27, гдѣ эти пророки разсказываютъ о судѣ надъ Вавилономъ и Тиромъ. Драгоценныя камни въ описаніи новаго Іерусалима, взяты изъ описанія рая у Іезекіиля, 28, 13, и слѣд., отчасти у Исаіи 54, 11 и Еноха, 16; описаніе новаго Іерусалима родственно описанію новаго Іерусалима у Іезек., 40. Іереміасъ въ указан. сочин. находитъ въ последнемъ описаніи, а также въ описаніи трона божества въ гл. IV вліяніе вавилонскихъ мифологическихъ образовъ (стр. 13 и слѣд., 62 слѣд.). Наконецъ, саранча гл. 9, имѣющая видъ чудовищныхъ коней, выходящихъ изъ моря, объясняется, какъ отголосокъ того же мифа о Тіаматъ.

Намъ кажется, что этихъ примѣровъ достаточно для характеристики того матеріала, изъ котораго составленъ Апок. Перейдемъ теперь къ вопросу о цѣльности и времени происхожденія. Цѣльность Апок. защищаютъ въ настоящее время еще такіе солидные ученые, какъ Holtzmann, Reuss, Düsterdieck и др. Съ ихъ точки зрѣнія, Апок. выделяется единствомъ языка и стиля, и матеріалъ, изъ котораго онъ составленъ, настолько хорошо и самостоятельно обработанъ, что совершенно невозможно провести демаркаціонную линію между отдѣльными его частями. Опредѣленіе времени покоится въ этомъ случаѣ на толкованіи числа 666 (καὶ ἄρ Νέρω, при чемъ берутся еврейскія согласныя) и на счетѣ семи головъ звѣря = семи римскимъ императорамъ; при этомъ исцѣлѣвшая рана на одной изъ головъ звѣря толкуется, какъ намекъ на возвращеніе Нерона, въ гибель котораго не вѣрили, такъ что даже создавалась легенда о томъ, что онъ вернется (Nero redivivus). Въ зависимости отъ того или другого счета императоровъ, книга могла явиться не при Клавдіи, или при Неронѣ, но или при Гальбѣ, или при Веспасіанѣ, во всякомъ случаѣ немного ранѣе 70 г. При такомъ датированіи, измѣреніе храма въ XI гл. толкуется, какъ намекъ на осаду Іерусалима и храма во время войны 66—70 г., а вся книга порождена съ одной стороны гоненіями на христіанъ, съ другой стороны—іудейской войною, и написана неизвѣстнымъ христіаниномъ изъ іудеевъ.

Но еще Гроцій (1644 г.) предполагалъ, что книга написана не однимъ авторомъ. За нимъ шли другіе изслѣдователи, и со времени Völter'a (его изслѣдованіе вышло въ 1882 г.) вопросъ о составѣ Апок. сталъ на совершенно новую почву. Völter, а вслѣдъ за нимъ Spitta,

книга котораго составила эпоху въ разрѣшеніи вопроса о составѣ Апок., указали, что единство книги лишь кажущееся: она, если ее читать сподрядъ, даетъ, дѣйствительно, однородное впечатлѣніе какой-то фантазмагоріи, но если вчитаться въ нее, то сразу пропадетъ впечатлѣніе цѣльности и выяснится ея составной характеръ. Цѣльность ея искусственна, получается путемъ обработки разнокалиберныхъ частей. Языкъ также неоднороденъ: въ первой части и словоупотребленіе, и обороты иные, чѣмъ во второй. Путемъ детального анализа содержанія, языка и литературной филіаціи текста Апок. Spitta пришелъ къ такимъ результатамъ: книга составлена неизвѣстнымъ христіанскимъ редакторомъ въ началѣ II в. изъ трехъ источниковъ, которые онъ отчасти переработалъ, отчасти спаялъ между собою вставками. Эти части суть: 1) христіанскій апокалипсисъ Іоанна, апок. печатей, состоящій изъ цѣлыхъ кусковъ I, 4—VI, 17, VIII, 1, VII, 9—17; XIX, 9b—10, XXII, 8—21. Онъ написанъ въ 50-хъ годахъ I в. подъ вліяніемъ преслѣдованій христіанъ іудеями; написалъ его, вѣроятно, Іоаннъ Маркъ; 2) іудейскій апокалипсисъ эпохи Калигулы: VII, 1—8; VIII, 2—IX, 15; X, 1—7; XI, 15, 19, XII, 1—XIV, 11; XVI, 13—20; XIX, 11—XXI, 1, 5—6. Этотъ Апок. (апок. трубъ) составленъ въ 40-хъ годахъ I в., когда Кай Калигула вводилъ повсемѣстно свой собственный культъ и потребовалъ, чтобы его изображеніе было поставлено въ іерусалимскомъ храмѣ. Звѣри XIII гл.—это Калигула (первый звѣрь) и Симонъ—волхвъ, сопровождавшій его и дѣлавшій фокусы (второй звѣрь); число Spitta принимаетъ не 666, а 616, по другому чтенію, которое засвидѣтельствовано Иринеємъ; числовое значеніе буквъ словъ Γαῖος καῖσαρ = 616; 3) іудейскій апокалипсисъ эпохи Помпея (60 до Р. X.): X, 1b—2a, 8—11; XI, 1—18; XIV, 14—20; XV, 2—8; XVI, 1—12; 17; 21; XVII, 1—6; XVIII, 1—XIX, 8, XXI, 9—XXII, 2, 3, 15. Этотъ Апок. (апок. чашъ) составленъ, когда Помпей разрушилъ независимое іудейское асмонейское царство; въ немъ есть цѣлый рядъ сопрیکосновеній съ апокрифическими псалмами Соломона, появившимися въ ту же эпоху и тоже ожидавшими конца міра; Римъ изображенъ въ видѣ великой блудницы гл. XVII. Редакторъ писалъ во время гоненій Домиціана или Траяна, когда еще была въ ходу легенда о возвращеніи Нерона; звѣрей и число XII—XIII гл. онъ понималъ, какъ символы Нерона и Рима *). Языкъ всѣхъ трехъ частей различенъ. Въ

*) Интересующихся вопросомъ о составѣ Апок. мы отсылаемъ къ книгѣ Spitt'a. Въ заключеніе авторъ ея приводитъ греческій текстъ трехъ апокалипсисовъ, исключивъ изъ него вставки и поправки редактора и возстановивъ въ цѣломъ рядѣ мѣстъ первоначальное чтеніе.

христ. апокалипсисъ языкъ чистый греческій, почти безъ примѣсей; въ двухъ другихъ — сильно гебраизированный. Точно также литературное родство разное у каждой части. Въ то время, какъ христіанскій Апок. цитируетъ ветхій заветъ по переводу LXX, іудейская часть цитируетъ по еврейскому оригиналу. Въмѣсто фантазмагоріи явленій, объединенныхъ почти исключительно пристрастіемъ къ священному числу семь, мы имѣемъ три самостоятельныхъ, цѣльныхъ и понятныхъ апокалипсиса. Редакторъ произвелъ большую работу, отчасти перемѣшавъ части, отчасти подиравивъ ихъ; но его работа не достигла цѣли, и сборный характеръ книги сохранился.

Таковы результаты работы исторической критики надъ Апок. Читатель видитъ, что она еще не рѣшила всѣхъ вопросовъ; но послѣ работъ Spitt'ы и Gunkel'я уже почти не осталось спорныхъ вопросовъ. Послѣ изслѣдованія Spitt'ы составной характеръ Апок. сталъ ясенъ, и вопросъ идетъ уже только о деталяхъ.

III. Что говоритъ объ Апокалипсисѣ Морозовъ.

Морозовъ подходитъ къ толкованію Апок. совершенно инымъ путемъ. По его мнѣнію вся символика Апок. такого происхожденія: авторъ его, астрономъ, сидѣлъ на берегу острова Патмоса и ожидалъ вычисленнаго пмъ по Саросскому циклу солнечнаго затменія; въ это время началась гроза и произошло землетрясеніе, и поэтому все, что онъ видѣлъ на небѣ, т.-е. сочетанія звѣздъ, облаковъ, солнца, планетъ и ливней, показалось ему божественнымъ знаменіемъ. Все, что онъ видѣлъ, онъ записалъ въ книгу, которая есть, такимъ образомъ, астрологическое предсказаніе близкаго конца свѣта; а образы Апок. есть не что иное, какъ соотвѣтствующія созвѣздія, планеты и облака, принимавшія форму чудовищныхъ звѣрей (стр. 29—30).

Морозовъ говоритъ въ предисловіи къ первому изданію, что мелкія частности для него безразличны; поэтому мы и перейдемъ къ самому главному вопросу о методѣ толкованія Апок. и къ вопросу объ опредѣленіи на основаніи этого метода времени происхожденія Апок.

Едва ли можно спорить противъ примѣненія чисто астрономическаго метода. Какъ мы видѣли изъ предшествующей главы, извѣстная доля астрономическаго элемента въ апокалипсисѣ существуетъ; астрономиче-

скій элементъ вообще не чуждъ апокалиптической литературы (напр. 72—82 гл. книги Еноха излагаютъ астрономическія свѣдѣнія, которыя сообщаетъ Еноху архангелъ Уріилъ; въ апскалипсисѣ Іоанна есть рядъ астрономическихъ понятій, заимствованныхъ изъ вавилонской науки). Но Морозовъ совершенно дискредитируетъ методъ астрономическаго толкованія, который имѣеть дѣло съ *объективными* явленіями, каковы суть астрономическія явленія созвѣздій, планетъ и солнца, привлеченіемъ къ толкованію Апок. необоснованныхъ гипотезъ о солнечномъ затменіи, грозѣ и облакахъ. Гипотеза о томъ, что Іоаннъ вычислилъ на 30 сентября 395 г. солнечное затменіе, есть одинъ изъ краугольных камней всего изслѣдованія Морозова; но что она изъ себя представляетъ? Затменіе дѣйствительно было, говоритъ Морозовъ, но оно было видимо въ Тихомъ Океанѣ (стр. 92); значить Іоаннъ не могъ его видѣть? Тутъ на помощь приходитъ гроза: какъ разъ въ то время, когда по расчету Іоанна должно было произойти затменіе, небо было покрыто тучами, но Іоаннъ (былъ увѣренъ, что затменіе дѣйствительно произошло (стр. 56). Мы остаряемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, можно ли было по Саросскому циклу предсказывать затменія, видимыя въ Тихомъ Океанѣ — это дѣло специалистовъ астрономовъ; но мы подчеркиваемъ, что Морозовъ привлекъ здѣсь не имѣвшее въ дѣйствительности на Патмосѣ мѣста явленіе, призвавъ при этомъ на помощь такой случайный феноменъ, какъ гроза; ибо патмосская гроза, насколько видно изъ книги Морозова, не засвидѣтельствована для 30 сент. 395 г. никакими документами, кромѣ Апок.; но вѣдь мѣста Апок., говорящія о громѣ и молніи, можно понимать различно, и въ смыслѣ условныхъ атрибутовъ божества, и въ смыслѣ апокалиптическихъ видѣній. Далѣе, грозовыя тучи играютъ очень большую роль въ изслѣдованіи Морозова. Мы согласны, что грозовыя тучи могутъ принимать самыя разнообразныя [формы, и при нѣкоторой долѣ фантазіи можно вообразить себѣ на небѣ какія угодно картины, составленныя разорванными тучами. Но мы спросимъ Морозова, гдѣ критерій того, что тотъ или другой образъ Апок. есть не созвѣздія, а причудливой формы облака и наоборотъ? Почему напр. драконъ и звѣри 12 и 13 главъ или жабы 16 главы или печати 6 и 8 гл. — это облака, а кони и сидящіе на нихъ всадники VI гл. — это планеты и созвѣздія? Вѣдь формы облаковъ настолько разнообразны, что въ смыслѣ облаковъ можно истолковать рѣшительно всѣ образы Апок. Но Морозовъ не ограничивается только такимъ случайнымъ и чисто фантастическимъ элементомъ, какъ облака; онъ привлекаетъ къ объясненію образовъ Апок-

и цѣлый рядъ другихъ явленій. Саранча 9 гл. — это морскіе валы, два свидѣтеля XI главы—это двѣ чайки, народныя толпы въ той же главѣ—это волны Средиземнаго моря; люди, живущіе на сушѣ, радующіеся и веселящіеся (въ той же главѣ) это—травы, качаемыя вѣтромъ и т. д. Мы согласны, что во всемъ этомъ много поэзіи, много отзвуковъ личныхъ впечатлѣній Морозова въ дни его юности и печальнаго заключенія; но мы въ то же самое время не можемъ не сказать, что здѣсь очень мало науки. Завтра можетъ прійти другой изслѣдователь съ такой же богатой фантазіей, какъ и у Морозова, и истолковать всѣ образы Апок. съ такимъ же произволомъ, но съ неменьшимъ вкусомъ, по-своему. Мало того: тотъ способъ толкованія книги, который примѣняетъ Морозовъ, не разъясняетъ, а затемняетъ ея смыслъ. Книга есть астрологическое предсказаніе — но она составлена совсѣмъ не по методу астрологическихъ гороскоповъ. Если ея авторъ — астрологъ, то почему онъ придавалъ такое значеніе облакамъ, дождю, вѣтру, чайкамъ, качанію травы, поведенію окружавшихъ его людей? Для него достаточно было звѣзднаго неба. Но всѣ побочныя явленія пужны Морозову, а не астрологу: безъ нихъ онъ не можетъ истолковать большую половину образовъ Апок. Когда онъ привлекъ ихъ, то въ однихъ случаяхъ онъ затемнилъ и искажилъ совершенно ясный смыслъ подлинника (и какъ разъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ, по его мнѣнію, не о созвѣздіяхъ), въ другихъ мѣстахъ далъ совершенно невѣроятныя объясненія. Вслѣдствіе этого, Апок. въ его изложеніи превращается въ какую-то безформенную и бессмысленную фантазмагорію самыхъ обыденныхъ явленій, безъ всякой связи между собою, но возведенныхъ въ рангъ таинственныхъ феноменовъ; а его авторъ кажется прямо больнымъ человѣкомъ, который пишетъ въ горячечномъ бреду, но не въ здоровой памяти, какъ это хочетъ доказать Морозовъ.

Но перейдемъ къ самому главному: къ опредѣленію времени происхожденія Апок. Тутъ Морозовъ чувствуетъ себя неуязвимымъ. Онъ намъ скажетъ: я и не спорю относительно всего остального, можетъ быть то, что я счелъ созвѣздіями, надо считать облаками, и наоборотъ; но кони—это только планеты и ничто другое; это мною доказано во второй главѣ. Какія же доказательства приводитъ Морозовъ? Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, могъ ли считать планеты конями образованный грекъ IV в., знавшій, несомнѣнно, систему Птолемея, по которой всѣ планеты, луна и солнце движутся по божественнымъ кругамъ, а ихъ зигзагообразныя движенія призрачны; обратимся прямо къ указываемымъ во II гл. галльскимъ монетамъ, на которыхъ будто бы въ видѣ коней изображены Сатурнъ и какая-то другая планета.

Прежде всего, совершенно произвольно, что для толкованія *греческой* книги взяты *галльскія* монеты. Далѣе, источникъ, на который ссылается Морозовъ, весьма сомнительнаго научнаго достоинства: книга Джона Блэка представляетъ изъ себя англійскую передѣлку французской книжки для юношества „Исторія неба“ Фламмаріона. Но и въ популярныхъ книжкахъ могутъ быть дѣльные указанія; раскроемъ же соотвѣтствующую 42-ю страницу Джона Блэка и посмотримъ, что тамъ сказано о пресловутыхъ монетахъ. Оказывается, первая монета (вторая у Морозова) представляетъ бѣгъ *Кіоня-Солнца* отъ тропика Рака къ тропику Козерога; на пятой монетѣ (первая монета Морозова) изображены Водолей, *Кіонь-Солнце* и знакъ движенія свѣтилъ. То же самое мы находимъ и во французскомъ оригиналѣ книги Блэка (русск. переводъ, стр. 51). Итакъ, источникъ Морозова толкуетъ изображеніе на монетахъ, совершенно иначе, чѣмъ онъ. Какія основанія побудили Морозова предпочесть свое толкованіе, намъ неизвѣстно. Но при всѣхъ нашихъ стараніяхъ, ни въ вавилонской ни въ греческой астрономіи мы не могли найти ни одного намека на то, чтобы планеты изображались въ видѣ коней *). Указанное нами въ предшествующей главѣ толкованіе Іереміаса исходитъ изъ совершенно другихъ соображеній и имѣетъ совершенно иной смыслъ: по смыслу словъ Іереміаса происхожденіе коней не астрономическое, но отчасти литературное, отчасти мифологическое; кони изображаютъ планеты не въ опредѣленный моментъ и въ опредѣленномъ мѣстѣ на небѣ, но взяты какъ символы дней недѣли. Мы видимъ, такимъ образомъ, что этотъ второй краеугольный камень изслѣдованія Морозова покоится на весьма зыбкой почвѣ. Тутъ, въ сущности говоря, едва ли меньше произвола, чѣмъ въ привлеченіи облаковъ и затменія. Толкованіе же всадниковъ гл. VI, какъ созвѣздій, въ которыхъ находились планеты, совершенно ничѣмъ не оправдано. Такимъ образомъ, получается такая картина: затменіе, исходный пунктъ, послужившій мотивомъ для составленія Апок., въ дѣствительности не имѣло мѣста, а основаніе для опредѣленія даты валится, какъ карточный домикъ, при первомъ прикосновеніи критики.

Однако, сказавши А, Морозовъ долженъ былъ сказать Б и такъ дальше всю азбуку. Опредѣливъ съ помощью коней математически

---

*) Въ нѣм. изд. *Weltall und Menschenheit*, т. III, стр. 100, помѣщенъ, между прочимъ, рисунокъ изъ сочиненія Андрея Челларіуса „*Harmonia macrocosmica*“, дающій древнее изображеніе системы міра по Птолемею. Всѣ планеты, солнце и луна изображены въ видѣ всадниковъ на колесницахъ, запряженныхъ разными животными; только колесница *солнца* запряжена конями.

точно время происхожденія Апок. и приписавъ его Іоанну Златоусту, Морозовъ долженъ былъ такъ или иначе побѣдить тѣ препятствія, которыя ставила этой гипотезѣ съ одной стороны юдаистическая тенденція Апок., съ другой стороны біографія Златоуста. Съ этими препятствіями Морозовъ справился весьма оригинальнымъ образомъ. Во-первыхъ, его затруднило названіе Мессіи, какъ корня изъ дома Давидова. Морозовъ находитъ, что имя Давида, точно также, какъ имя Израиля и имена колѣнъ Израиля, употреблены въ аллегорическомъ смыслѣ, и чтобы ихъ понять, надо ихъ перевести. Собственное имя Давидъ Морозовъ переводитъ такъ „еврейское слово דָּוִד или דָּוִיד (Dowid' или Dodim) значить любовь“ (стр. 49). Прежде всего, первое слово транскрибировано невѣрно; научная транскрипція его будетъ dāvid, транскрипція сообразно съ произношеніемъ теперешнихъ іудеевъ—dōbid. Далѣе, эти слова совершенно разные, а не двѣ формы одного и того же слова; изъ нихъ dodim дѣйствительно существуетъ въ еврейскомъ языкѣ и значить *любовь* въ эротическомъ смыслѣ, но встрѣчается очень рѣдко, именно, одинъ разъ въ Притчахъ, пять разъ въ Пѣснѣ Пѣсней и два раза у Іезекииля. Но слова dōbid или dāvid въ еврейскомъ языкѣ нѣтъ; имя царя Давида пишется совершенно иначе, именно dawid; этимологія этого слова совершенно неясна, и во всякомъ случаѣ значеніе „любовь“ для этого слова не установлено никакими данными ни въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ иногда дается этимологія собственныхъ именъ, по созвучію съ тѣми или иными глаголами, ни научной этимологіей еврейскаго языка. Другая столь же неудачная попытка сдѣлана по отношенію къ разсказу седьмой главы о томъ, какъ были запечатлѣны 144000 избранныхъ изъ двѣнадцати колѣнъ Израиля. Морозовъ говоритъ, что здѣсь дѣло идетъ тоже о звѣздахъ, именно, запечатлѣно по двѣнадцати тысячъ звѣздъ изъ двѣнадцати созвѣздій зодіака, соотвѣтствующихъ двѣнадцати астрологическимъ домамъ; названія этихъ двѣнадцати домовъ, по мнѣнію Морозова, представляютъ изъ себя буквальный переводъ именъ сыновей Израиля, а эти имена проищли такимъ образомъ: „составители легенды о дѣтяхъ Израиля-Богоборца какъ будто давали каждому имя прямо по тому изъ астрологическихъ домовъ, подъ которымъ онъ предполагался родившимся“ (стр. 59—60). Помимо того, что это толкованіе совершенно искажаетъ вполнѣ ясный смыслъ седьмой главы, оно не выдерживаетъ критики и по существу. Буквальное значеніе именъ двѣнадцати сыновей Израиля до сихъ поръ совсѣмъ не установлено; нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи сдѣлалъ Штаде, но онѣ не привели къ опредѣленнымъ результатамъ; Морозовъ руководился, повидимому, не научными изысканіями, а этимоло-

гій 29 и 30 главъ кн. Бытія, которая съ научной точки зрѣнія совершенно несостоятельна. Что касается до объясненія происхожденія самыхъ именъ, то здѣсь Морозовъ допустилъ крайне грубую ошибку, объясняющуюся его полнымъ незнаніемъ еврейской исторіи. Дѣло въ томъ, что названія сыновей Израиля суть *этнографическія* названія, названія народовъ, занявшихъ Палестину и составившихъ впоследствии одинъ общій еврейскій народъ. Слѣдовательно, это имена невымышленныя; легенда исходила отъ нихъ и наградила каждое племя героемъ эпохи, а героевъ—общимъ отцомъ *). Слѣдующій lapsus Морозова въ этой области относится къ XI главѣ. Въ XI главѣ, въ первыхъ стихахъ, совершенно ясно говорится объ измѣреніи іерусалимскаго храма и жертвенника и о томъ, что внѣшній дворъ храма отданъ на погребеніе язычникамъ. Такъ какъ во время Іоанна Златоуста іерусалимскій храмъ давно не существовалъ, то Морозову приходится истолковать указанное мѣсто какимъ-нибудь инымъ способомъ. И вотъ онъ производитъ такую операцію: совершенно ясный греческій, текстъ гласящій μέτρῃσιν τὸν ναὸν τοῦ θεοῦ, καὶ τὸ θυσιαστήριον, καὶ τοὺς προσκυνοῦντας ἐν αὐτῷ, καὶ τὴν αὐλὴν τὴν ἔξωθεν τοῦ ναοῦ ἐκβαλεῖ ἔξω, καὶ μὴ αὐτὴν μετρήσῃς, ὅτι ἐδόθη τοῖς ἔθνεσιν καὶ τὴν πόλιν τὴν ἁγίαν πατήσοις μῆνας τεσσαράκοντα ὅσο (измѣрь храмъ Бога и жертвенникъ и преклоняющихся въ немъ, а дворъ внѣ храма исключи и не измѣрай его, ибо онъ отданъ язычникамъ; и они будутъ попираť ногами святой городъ сорокъ два мѣсяца) Морозовъ ухитрился перевести такъ: „Измѣрь имъ (тростникомъ) потомъ (?) жилище (?) Бога—небо и созвѣздіе (?) Жертвенника и исчисли преклоняющихся въ божьемъ жилищѣ—звѣзды (?). А проходное мѣсто внутри (?) жилища Бога—землю (!?) исключи и

---

*) Справедливость требуетъ замѣтить, что до извѣстной степени аналогичная попытка привлеченія созвѣздіи зодіака къ двѣнадцати сыновьямъ Израиля, была сдѣлана уже въ литературѣ. Именно, *Jeremias*, въ другой своей книгѣ „Das alte Test. im Lichte des alten Orients“ (второе изд. 1906 г.) находитъ, что въ благословеніяхъ Іакова, которыя онъ даетъ передъ смертью каждому изъ сыновей (Быт. 49), есть намеки на созвѣздія зодіака. Но эти намеки касаются не значенія именъ, а смысла самыхъ изреченій Іакова. Въ благословеніи Рувиму есть намеки на Водолея, Симеону и Леви—на Близнецовъ, Іудѣ—на Льва, Завулону—на Козерога, Иссахару—на Рака, Дану—на Вѣсы, Гаду—на Стрѣльца, Ассиру—на Рыбъ, Пефеалиму—на Овна, Іосифу—на Тельца, Веніамину—на Скорпіона; остается Дѣва—соотвѣтствіе ей *Jeremias* находитъ въ единственной дочери Іакова, Динѣ, не упомянутой въ благословеніи Іакова. Толкованіе *Jeremias*’а довольно натянуто, какъ и многія другія мѣста его книги; но въ общемъ эта и уже цитированная его книга даютъ весьма интересное продолженіе работы Гункеля, хотя и съ благочестивою лѣлью.

не измѣрай, потому что она отдана во власть толпищамъ (?). Они будутъ презирать Святую Крѣпость (?)—*Небо*—въ продолженіе сорока двухъ мѣсяцевъ“ (стр. 73, курсивъ подлинн.). Такимъ образомъ, изъ совершенно понятнаго мѣста Морозовъ дѣлаетъ что-то фантастическое: чувствуя эту неловкость, онъ спѣшитъ въ примѣчаніи предупредить читателя, что дѣло идетъ объ измѣреніи величины вселенной (!!), которое Іоаннъ долженъ произвести потомъ на размѣрахъ патмосскаго пшеничнаго поля, при чемъ колышущаяся отъ вѣтра пшеница будетъ символизировать молящихся вѣрныхъ, по извѣстной притчѣ о пшеницѣ и плевелахъ. Это объясненіе, однако, только еще больше запутываетъ читателя. Остается еще чисто іудейское представленіе о тысячелѣтнемъ царствѣ (гл. 20). По толкованію Морозова (стр. 116—117) тысяча лѣтъ обозначаетъ промежутокъ ночи въ 10 часовъ до наступленія утра, т.-е. каждый часъ авторъ Апок. считалъ равнымъ вѣку. Никакихъ доказательствъ въ пользу такого толкованія Морозовъ не приводитъ; но это толкованіе, какъ и предыдущее, только затемняетъ ясный смыслъ мѣста. Какой особенный смыслъ, въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ обыденномъ явленіи, что созвѣздіе Зміеносца снова на нѣкоторое время покажется изъ-за морского горизонта утромъ, а звѣзды будутъ сіять до утра, и для чего здѣсь понадобилась тысяча лѣтъ?

Филологическія познанія Морозова можно иллюстрировать еще двумя примѣрами изъ числа попадающихся на каждомъ шагѣ курьезовъ. Онъ считаетъ необходимымъ объяснить своимъ читателямъ имя Іисусъ Христосъ (!). Не приводя курьезныхъ разсужденій Морозова о различныхъ формахъ собственнаго имени Іисусъ въ разныхъ европейскихъ языкахъ (стр. 40), укажемъ на его этимологію слова Христосъ. „Христосъ же (*Χριστός*) есть простое прилагательное, которое въ обычномъ греческомъ языкѣ означаетъ: окрашенный, вымазанный, а въ переносномъ смыслѣ: посвященный въ религіозный санъ, въ религіозныя тайны, путемъ символическаго помазанія масломъ при принатіи“. О святая простота! Даже семинаристъ средняго класса, и тотъ могъ бы сказать Морозову, что *Χριστός* есть вовсе не „простое прилагательное“, а *terminus technicus*: это буквальный переводъ еврейскаго *maschiah* (Мессія), помазанникъ, имя, которое специально обозначало въ эпоху Іисуса ожидаемаго царя изъ рода Давидова, искупителя и освободителя, который будетъ судить всѣ народы и воздастъ Израилю награду за всѣ его страданія. Іисусъ считалъ себя Мессіей; такимъ же считали его и ученики, и поэтому, послѣ его смерти, со времени Павла, къ его собственному

имени постоянно прибавляется и имя его функций — Χριστός. Другой lapsus находится рядом (стр. 42). Дѣло идетъ о словѣ ἡγέλος, которое есть „самое обыкновенное разговорное слово, обозначающее: гонецъ, вѣстникъ, а въ переносномъ смыслѣ: *оглашатель*, т.-е. лекторъ древнихъ оригенистскихъ (?) общинъ“. Да, въ классическомъ греческомъ языкѣ это самое обыкновенное разговорное слово; но въ переводѣ LXX и въ новомъ заветѣ оно имѣетъ специальный смыслъ: оно означаетъ подчиненныхъ Богу духовъ, имѣющихъ опредѣленные функции, о которыхъ Морозовъ можетъ прочесть, напр., въ кн. Товита и въ кн. Еноха. Къ числу этихъ функций относилось, между прочимъ, завѣдываніе отдѣльными царствами, областями и городами; какъ видно изъ Апок., христіане думали, что у каждой общины есть свой ангелъ хранитель. Оглашатель въ древнихъ общинахъ существовалъ, но его звали по-другому: это *катехетъ*, на обязанности котораго лежало оглашать, т.-е. наставлять въ вѣрѣ желающихъ вступить въ общины.

Больше примѣровъ приводить не будемъ, иначе пришлось бы разбивать каждую строку. Укажемъ только, что переводъ Морозова вездѣ такой же вольный, какъ и въ указанныхъ мѣстахъ, и онъ не боится столкновений съ греческой грамматикой или словаремъ *). [Позволительно будетъ спросить, кто понималъ больше то, что онъ переводилъ, Морозовъ, или тѣ переводчики, о которыхъ онъ такъ высококомѣрно отзывался въ предисловіи ко II изд. и на стр. 32.

Остается указать еще на тѣ странности, которыя бросаются прямо въ глаза при чтеніи біографіи Златоуста у Морозова. Мы не почитаемъ себя специалистомъ по исторіи Византіи IV вѣка и предоставляемъ детальный разборъ этой части книги Морозова византинистамъ. Но кое что и весьма существенное замѣтить и не специалистъ. Мы оставимъ въ сторонѣ николаитовъ, государственную церковь, оригенистовъ и всю остальную внутреннюю исторію церкви. Укажемъ только на два пункта. Во-первыхъ, николаиты I в. не выдуманы нарочно, какъ утверждаетъ Морозовъ, а дѣйствительно существовали. Они были послѣдователями діа-

*) Напр. πόλις ἡ μεγάλη въ XI и др. гл. переведено: *великая твердыня*; а истолковано — большая прибрежная скала. Ναός IX, 18 — переведено *шхтеръ*, οὗς ἀρχόν XII, 5 — *могучій сынъ*; τὰ ἐθνὴ тамъ же передѣлано произвольно въ τοὺς ὄφεις; ὄνομα XIII, 6 перевезено *слава*; выраженіе XIV, 7 — οὗτοι εἰσιν οἱ μετὰ γυναικὸν οὐκ ἐροῦνδγγου (не осквернились съ женами) переведено: они дѣйствиительно чисты душою. εἶδον VI, 2 переведено: я сообразилъ положеніе звѣздъ: λόγος τοῦ θεοῦ въ разныхъ мѣстахъ — *божья наука* (?) И т. д. и т. д.

кона Николая, обращеннаго изъ язычниковъ (Дѣян., VI, 5), послѣдователи котораго, какъ извѣстно изъ отцовъ церкви, ѣли идоложертвенное мясо и предавались блуду *). Во-вторыхъ, въ концѣ четвертаго вѣка христіанская церковь уже не знала отдѣльныхъ церковныхъ общинъ, объединявшихся только именемъ основателя. Это явленіе типично для I в.; въ концѣ IV в. уже выработалась строгая и единая церковная организація, и были заложены основы церковнаго права. Это элементарная истина, доступная всякому, кто знакомъ хотя бы съ популярными статьями Гарнака. Но это мелочь; главное, заключается въ изображеніи Іоанна Златоуста революціонеромъ и демагогомъ. Это изображеніе плохо согласуется съ истиной, но оно нужно Морозову для оправданія его гипотезы. Поэтому онъ излагаетъ намъ такую исторію: въ бытность Іоанна пресвитеромъ въ Антиохіи народъ въ 387 г. разбилъ императорскія статуи подъ влияніемъ его рѣчей противъ статуй, не тѣхъ рѣчей, которыя соблаговолили намъ сообщить позднѣйшіе редакторы или составители **), а тѣхъ, которыя Іоаннъ дѣйствительно произносилъ; послѣ этого въ біографіи Іоанна существуетъ пробѣлъ до 397 г., когда его изъ Антиохіи же пригласили на кафедру въ Константинополь. Этотъ пробѣлъ, по мнѣнію Морозова, необъяснимъ безъ признанія Апокалипсиса произведеніемъ Златоуста. Іоаннъ, очевидно (догадывается Морозовъ), былъ въ заключеніи за свои дерзкія рѣчи противъ статуй, бѣжалъ оттуда, скитался по Малой Азіи, схватилъ тамъ ревматизмъ и кстати основалъ тѣ семь церквей, къ которымъ онъ обращается въ Апок., а въ 395 г., въ бытность въ ссылкѣ на Патмосѣ, написалъ свое откровеніе. Оно составило ему славу, и поэтому его, безвѣстнаго пресвитера, чуть не насильно перевели сразу епископомъ въ Константинополь (стр. 211—221, ср. также 270). Такимъ образомъ, біографія Златоуста обогатилась цѣлымъ рядомъ новыхъ фактовъ, къ сожалѣнію, весьма сомнительныхъ, ибо рѣчи Златоуста, имѣющіяся у насъ, говорятъ не противъ статуй, а противъ бунтовщиковъ, сочинять же для Златоуста другія рѣчи, болѣе пріятныя Морозову, значить уисдобляться тѣмъ самымъ редакторамъ или составителямъ подложныхъ рѣчей, о которыхъ Морозовъ съ такимъ негодованіемъ

*) Ирений ліон., Adv. haer., I, 26; Евсевій, Hist. eccles. III, 29; есть также указанія у Епифанія, Panag. XXV и Ипполита, Philosoph. VII, 36. Цитата о Николаитахъ изъ Климента Александр. приведена у Евсевія, ibid.

**) 21 рѣчь Златоуста De statuis ad populum Antiochenum призываетъ антиохіянъ къ покаянію за низверженіе статуй. Характерно, что свою ораторскую карьеру Златоустъ началъ съ похвальнаго слова императору Валентиніану.

говорить на стр. 210 и 270. А разъ рѣчи сомнительны, то сомнительна и ссылка, и основаніе новыхъ общинъ и написаніе Апокалипсиса; о томъ и другомъ біографы Златоуста совершенно умалчиваютъ. Такъ стремленіе Морозова доказать свою гипотезу поставило его въ совершенно недѣльное положеніе: негодовать на фальсификаторовъ біографіи и рѣчей Златоуста и въ то же время самому быть такимъ же фальсификаторомъ *).

Въ заключеніе нѣсколько словъ о томъ, какъ Морозовъ справился съ цитатами и спорами объ Апок. въ патристической литературѣ. Въ I изд. онъ ограничился простымъ замѣчаніемъ, что есть объ Апок. пять—шесть упоминаній въ патристической литературѣ первыхъ вѣковъ, каковыя, вслѣдствіе его открытія, надо считать подложными. Но послѣ выхода его книги въ свѣтъ, нѣкто Б. Ф. Павловъ отыскалъ не пять—шесть мѣстъ, а цѣлыя книги объ Апок. Морозовъ счелъ нужнымъ, поэтому, сдѣлать ко II изд. приложение, гдѣ онъ, во первыхъ, указываетъ, что отъ оригиналовъ патристической литературы насъ отдѣляетъ средневѣковье, въ теченіе котораго можно было сколько угодно и что угодно поддѣлать (и когда, кстати сказать, совсѣмъ не знали греческаго языка... Н. Н.), а, во вторыхъ, просто перечисляетъ цитаты и книги, указанные Павловымъ, для того, чтобы впредь ихъ считать уже неподлинными. Въ заключеніе, онъ говоритъ, что всѣ эти и другіе документы, которые могутъ быть найдены (sic!) его оппонентами, имѣютъ цѣну лишь для характеристики средневѣковыхъ представленій, да и то только въ томъ случаѣ, если при помощи его астрономическаго метода удастся опредѣлить время ихъ происхожденія (стр. 313—322). Такимъ образомъ, патристической литературы первыхъ вѣковъ больше не существуетъ, а есть только средневѣковыя поддѣлки!

Sapientisat...

---

*) Въ маѣ текущаго года въ „Русск. Вѣдом.“ была рецензія г. Щепкина, гдѣ разбиралась вторая часть книги Морозова (о Златоустѣ) и выдвигались чрезвычайно серьезныя возраженія; насколько намъ извѣстно, Морозовъ до сихъ поръ на нихъ не отвѣчалъ.

IV. Заключение.

Итакъ, передъ читателемъ прошли два метода и два толкованія одной и той же книги. Мы предоставляемъ читателю рѣшить, какому изъ двухъ отдать предпочтеніе. Отъ себя прибавимъ лишь слѣдующее.

Читатель видитъ, что экзегетика Апок. не была бесплодна до Морозова, но поставила и рѣшила весьма важные вопросы. Она шла все время строго научнымъ путемъ, оперировала исключительно съ объективными данными. Ея работа громадна и, смѣемъ надѣяться, имѣетъ цѣну. Все то, къ чему она безспорно пришла, долженъ былъ первоначально признать и Морозовъ.

Онъ долженъ былъ признать, что самый объективный элементъ въ Апок., его языкъ, не есть греческій литературный языкъ, а весьма плохой и гебраизированный языкъ. Одно это уже могло бы поставить передъ нимъ вопросъ: могъ ли образованный чистокровный грекъ, какимъ былъ Іоаннъ Златоустъ, писать на такомъ языкѣ?

Другой вполне объективный элементъ — это цѣлый рядъ образовъ Апок. Историческая критика установила, путемъ простого сличенія, что большая часть этихъ образовъ надоедливо повторяются въ ветхозавѣтной литературѣ, и что нѣкоторыя части Апок. представляютъ изъ себя простую мозаику старыхъ мотивовъ. Этотъ выводъ долженъ былъ бы предостеречь Морозова отъ пристрастія къ звѣздамъ, облакамъ, волнамъ, травамъ и колосьямъ. Онъ могъ и имѣлъ полное право толковать образы Апок. (а слѣдовательно и неизбѣжно и ихъ литературныхъ родоначальниковъ) астрономически, или какъ ему угодно, но первоначально доказавъ несостоятельность толкованія исторической критики.

Третій вполне объективный моментъ — это цитаты и полемика объ Апок. въ патристической литературѣ. Мы не стоимъ за подлинность всѣхъ этихъ цитатъ; но когда ихъ такъ много, и когда церковные писатели не только цитируютъ Апок., но и спорятъ о немъ, пишутъ о немъ цѣлыя книги, мы въ правѣ были бы ожидать отъ серьезнаго изслѣдователя, что онъ не просто отмахнется отъ нихъ замѣчаніемъ: я доказалъ, значить онѣ подложны, — но докажетъ ихъ подложность очевиднымъ образомъ, путемъ литературнаго анализа и критики ихъ текста. Ибо въ наукѣ ничего не принимаютъ на вѣру, и всегда хотятъ, какъ Тома, вложить палецъ въ рану.

Наконецъ, злосчастная глава VI ея и кони. То, что говорить о ихъ значеніи Морозовъ, собственно ни на чемъ не основано. Его источникъ противорѣчитъ ему, а между тѣмъ въ расположеніи планетъ и созвѣздій весь центръ тяжести книги. Пока Морозовъ не представитъ другого доказательства, или не подкрѣпитъ галльскія монеты, изображающія солнце, другими документами, неопровержимо доказывающими, что кони — это планеты, а всадники — это созвѣздія, въ которыхъ планеты находились въ моментъ написанія книги — до тѣхъ поръ всѣ выводы исторической критики остаются непоколебленными, а гипотеза Морозова — ничѣмъ не доказанной.

Наука не поэзія, она есть продуктъ холоднаго разума, а не горячаго чувства. Въ книгѣ Морозова много поэзіи, много непосредственнаго чувства. Его образъ Златоуста, образъ не историческій, а чисто поэтический, — родная душа для Морозова. Больше того, это онъ самъ, Морозовъ, олицетворенъ въ идеальномъ Златоустѣ. Революціонеръ, онъ сдѣлалъ и изъ Златоуста революціонера; и его горячая любовь къ свободѣ и ненависть къ деспотіи заставила его видѣть въ Апок. то, чего тамъ нѣтъ. Психологически книга Морозова понятна и цѣнна, и русскій читатель пойметъ ее и даже увлечется ею. Но для того, чтобы быть научнымъ изслѣдованіемъ, ей недостаетъ самаго главнаго: изученія предмета и научнаго метода.
